

Дестиния

*«Мы называем реальностью то, к чему
привыкли. Но привычка не
доказательство».*

ЛЕОН ОРТИС

18+

Леон Ортис

Дестиния

<https://litres.ru/74671517>

SelfPub; 2026

Аннотация

Говорят, от любви до ненависти один шаг. А от ненависти до любви? Неизвестно, никто не мерил. Евгений мерил: от окошка в ЗАГСа до дачи без электричества, от своей ипотечной квартиры до чужой крыши. Он ехал разводиться, а приехал туда, где его не ждали и где, как выяснилось, ждали давно.

Содержание

Глава 1. Не ждали	5
Глава 2. Друзья	11
Глава 3. Дом	23
Глава 4. Дом 2	29
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Дестиния

Господи, пошли мне ту, с кем я смогу быть счастлив.

Но прежде научи меня быть тем, с кем сможет быть счастлива она.

Глава 1. Не ждали

Утро он встретил с улыбкой. Немного понежившись, Евгений повернулся на бок, потом на спину, устроился поудобнее, заложил руки за голову и принялся разглядывать потолок. На потолке светлело расплывчатое пятно утреннего солнца, медленно вытягивавшееся от карниза к люстре. Оно доползло до люстры и задрожало на хрустальных подвесках. Евгений тихо выдохнул, высвободил руки и потянулся так, что хрустнули лопатки, и ещё раз, уже с протяжным, сладким вздохом. Левая половина кровати была пуста. Он перекатился на неё, раскинул руки и полежал крестом. Затем перекатился обратно. Рассмеялся. Часы на тумбочке показывали без малого девять, и до двенадцати выходило так много времени, что в нём можно было утонуть. Он и тонул, с удовольствием. Потом всё же спустил одну ногу, спустил другую, посидел на краю кровати, глядя в пол и шевеля пальцами. Встал.

В ванной он включил воду и дождался, пока она потеплеет. Умылся шумно, с фырканьем. Брился долго, оттягивая кожу пальцем и вытягивая подбородок к зеркалу. Что-то на-свистывал.

Снял со спинки стула чёрный костюм, ждавший его со вчерашнего вечера, встряхнул, провёл ладонью по плечам. Рубашку выбрал голубую, надел, застегнул на три пуговицы,

постоял, снял и надел белую. Посмотрел в зеркало. Белая показалась строгой. Он вернулся к голубой.

Галстук не завязался с первого раза, не завязался и со второго. С третьего узел лёг ровно, и Евгений затянул его, поднял подбородок, опустил. Достал из ящика запонки, повертел на свету, вставил.

Пиджак сел хорошо. Он застегнул среднюю пуговицу, расстегнул, снова застегнул. Ботинки достал из шкафа, обтёр носком о брючину, потом всё же взял щётку и прошёлся по ним ещё раз.

Перед выходом он проверил карманы, взял ключи и уже в дверях вспомнил, что забыл телефон. Вернулся, забрал его со стола, сунул в карман и снова вышел. На лестнице спускался не торопясь, придерживая рукой перила, а у подъезда остановился, чтобы застегнуть плащ.

До ЗАГСа он шёл пешком. Евгений разглядывал витрины магазинов, вывески, выставленные у входов товары, задерживался у окон, за которыми прежде ничего не замечал, и даже остановился возле цветочного киоска, чтобы посмотреть на букеты. Продавщица, занятая разговором с покупательницей, его не заметила, и он пошёл дальше, сунув руки в карманы. На светофоре он дождался зелёного сигнала и перешёл улицу, насвистывая какую-то мелодию.

Уже возле ЗАГСа Евгений посмотрел на часы. До назначенного времени оставалось ещё несколько минут. Он мог бы пройтись вокруг здания, но вместо этого остановился у

входа, поправил воротник и достал телефон, чтобы проверить, не звонил ли кто-нибудь. Ничего нового. Он убрал телефон, глубоко вдохнул и ещё раз взглянул на часы.

Впервые за долгое время сегодняшний день не требовал от него никаких решений. Решение было принято давно, документы собраны. Оставалось только прийти и сделать то, ради чего он, собственно, и поднялся с постели с такой неуместной для буднего утра радостью.

Евгений усмехнулся, покачал головой и вошёл внутрь.

В тот день он был абсолютно уверен, что наконец-то станет счастливым человеком. Это чувство, правда, несколько преувеличивало значение предстоящего события. Никаких цепей с него снимать не собирались, двери перед ним никто не запирали, и даже жена, сидевшая рядом на жёстком пластиковом стуле, не производила впечатления женщины, намеренной удерживать его при себе силой.

Они сидели в коридоре учреждения, куда пришли расторгнуть брак, и ждали своей очереди. Над дверью горела электронная табличка, время от времени меняя номер. Рядом кто-то разговаривал по телефону, где-то плакал ребёнок, женщина у окна раздражённо перелистывала документы, а за стеной монотонно работал принтер.

Дверь открылась.

— Следующие.

Они вошли. Женщина за столом, лет пятидесяти, в очках, листала бумаги, сверяла паспорта с экраном, задавала корот-

кие вопросы. Евгений отвечал быстро, и даже успел пошутить про очередь.

— Одного документа не хватает, — сказала она, взглянув на него.

— Какого? — вежливая улыбка всё ещё теплилась на его лице по инерции, и в этом казённом кабинете, среди папок и серого линолеума, она горела одна, как лампа в нежилой комнате.

— Нотариально заверенного согласия о разделе совместно нажитого имущества. У вас в деле квартира, оформленная в браке. Без него заявление принять нельзя.

— Простите, — он наклонил голову. — Мы собирали всё по списку. Там было свидетельство, паспорта, квитанция...

Она развернула к нему монитор. Он прочёл строку, шевеля губами, и прочёл ещё раз, ниже.

— Но почему нам раньше не сказали?

— Список документов размещён на сайте.

— На каком сайте?

Он повернулся к жене. Она смотрела в окно.

— А если мы принесём сегодня? Нотариус через дорогу, я за полчаса...

— Сегодня уже нет. — Она глянула в таблицу. — Ближайшая дата для повторной подачи через четыре недели.

— Сколько?

— Четыре недели.

— Месяц? — он привскочил с места, и голос его прив-

звизгнул. — Я на сегодня еле-еле отпросился!

— Месяц, — сухо подтвердила она.

Евгений опустился на стул. Открыл рот, закрыл. Кивнул чему-то и помотал головой. Плечи у него медленно опали.

— Ясно, — сказал он тихо.

Встал, аккуратно задвинул стул до упора и ещё секунду держался за спинку.

В коридоре жена застёгивала сумку.

— Ну вот, — сказала она. — Через месяц придём.

Он повернулся к ней всем корпусом.

— Конечно.

— Что?

— Ничего.

— Я думала, ты сам прочитал.

— Я думал! Ты думала! Пять лет ипотеки, и я должен всё это оплачивать?

— Хватит, — тихо попросила она.

— Не затыкай меня...

Он осёкся, потому что она уже шла к лестнице. Каблуки отсчитывали шаги по плитке. Он двинулся следом, на ступеньку выше, и всю дорогу вниз молчал, громко дыша ей в затылок.

Выйдя на улицу, он резко свернул направо и быстро зашагал. Пиджак расстегнулся, галстук съехал набок, но он не поправил.

— Встречаешься с друзьями? — донёсся до него её тихий

вопрос.

— Да, — бросил он через плечо.

Глава 2. Друзья

К тому времени, когда Евгений добрался до места встречи, друзья уже ждали его за столом. Глеб сидел, привалившись к спинке стула, и гонял пальцем по экрану телефона. Илья разглядывал меню. Перед ними стояли два пустых стакана из-под пива и тарелка с недоеденными орешками.

— Опоздал, как всегда, — Глеб даже не поднял глаз от телефона.

— На семь минут, — Евгений дёрнул галстук и сел, не глядя ни на кого.

— На восемь, — поправил Илья и перевернул страницу меню.

— Какая разница?

Илья отложил меню, сложил руки на столе и посмотрел на Евгения с кроткой серьёзностью школьного учителя.

— За восемь минут свет долетает от Солнца до Земли. А это, между прочим, сто пятьдесят миллионов километров.

— Только не начинай, — Евгений откинулся на спинку стула и потёр переносицу.

— Я ещё ничего не сказал, — Илья развёл руками, изображая оскорблённую невинность.

— Вот именно. Я заранее предупреждаю.

Глеб молча подвинул к нему пустой стакан и кивнул проходившему мимо официанту.

Встречались они раз в несколько месяцев, иногда чаще, иногда реже: всё зависело от работы, семейных дел и того, насколько охотно жизнь позволяла им одновременно оказаться свободными вечером. Выросли в одном дворе, ходили в одну школу, сидели за соседними партами. Лет в четырнадцать вместе впервые закурили за теплотрассой и там же получили от участкового первую в жизни взрослую выволочку.

За эти годы жизнь успела разнести их по разным районам, работам и семейным обстоятельствам. Глеб женился, купил квартиру, потом ещё долго рассказывал, что теперь наконец-то понял, почему взрослые люди так часто говорят о ремонте. У Ильи семьи не появилось. Он жил с матерью и сестрой, менял работы, иногда начинал какие-нибудь курсы, бросал их через несколько месяцев и неизменно находил этому разумное объяснение.

— Ну что? — спросил Илья.

Евгений взял бутылку, налил в три стакана, с пеной через край, и громко поставил её на стол.

— Что?

— Как прошло?

— Не развёлся.

Глеб наконец убрал телефон в карман.

— В смысле?

— В прямом.

— Почему?

— Справки не хватило. — Евгений придвинул к себе ста-

кан и посмотрел сквозь него на лампу.

— Какой справки?

— Согласия по имуществу. Нотариального.

— А вы с женой договорились? — поинтересовался Глеб.

— Договорились. Квартира остаётся мне. — Он усмехнулся одним уголком рта. — Всё честно. Только бумажки нет.

— А раньше она не могла сказать, что без неё никак?

— Видимо, нет.

— Классика, — Глеб покачал головой и отпил.

— Теперь только через месяц. — Евгений отхлебнул из стакана, сгрёб с тарелки горсть орешков и отправил их в рот все разом, так что щека у него смешно оттопырилась.

Глеб молча кивнул. Илья выдержал паузу, поправил салфетку и произнёс ровным голосом:

— Ну, значит, пока не время.

— Тойко не нанимай, Иййя, — выдавил Евгений, и орешек вылетел на скатерть.

— А что я сказал?

— Ты снаешь, чо сказал, — невнятно буркнул Евгений, пропихивая языком последний орех за щёку.

— Я просто говорю: может, оно и к лучшему.

Евгений повернулся к нему всем корпусом.

— Что именно, — он двинул челюстью, пропихивая остатки орехов, — в данном конкретном случае к лучшему?

Илья пожал плечами, без вызова, как пожимают, когда

спрашивают о погоде.

— То, что сегодня не получилось.

— А когда надо?

— Этого я не знаю.

— Тогда откуда ты знаешь, что сегодня не надо было?

Илья задумался. Он поднял глаза к потолку, пошевелил губами, и лицо его осталось совершенно безмятежным.

— Потому что сегодня не получилось.

— Железная логика.

— А что, нет?

— Не уверен.

Илья взял вилку.

— Я вообще не понимаю, почему человек так цепляется за собственный план. Решил что-то сделать — и всё. Теперь любой человек, обстоятельство или документ, который мешает, автоматически становится врагом.

— Сегодня врагом оказался документ, — сухо заметил Евгений.

— Вот видишь.

— Что «вот видишь»?

— Ты уже нашёл виноватого.

— Потому что виноватый есть.

— Кто?

— Чиновник.

— Может, он просто выполняет правила.

— От этого мне не легче.

— Я и не говорю, что тебе должно быть легче.

Илья говорил спокойно, даже доброжелательно, и от этого Евгения раздражал ещё больше. Он прекрасно знал эту интонацию. Илья всегда начинал именно так: сначала соглашался с очевидным, потом постепенно переводил разговор куда-то дальше, пока первоначальная проблема не растворялась в рассуждениях о человеческой природе.

Так было ещё в школе. Если кто-нибудь получал двойку, Илья объяснял, что плохая оценка помогает понять свои слабые места. Если кто-нибудь не поступал в институт, он говорил, что судьба просто выбрала другой путь. Если девушка уходила к другому, Илья утверждал, что она освободила место для настоящей любви. Если человек разбивал коленку, значит, приобретал жизненный опыт. У Ильи на всё находилось объяснение. Причём чем хуже становилась ситуация, тем увереннее он объяснял, почему именно так и должно было случиться.

— Ты хоть иногда можешь сказать: «Да, это просто неприятно»? — спросил Евгений.

— Могу.

— И?

— Это просто неприятно.

Евгений посмотрел на него.

— Ну?

— Что ну?

— Где продолжение?

— Никакого продолжения нет.

— Не верю.

Илья усмехнулся.

— Хорошо. Неприятно. Но неприятность тоже не всегда означает, что всё пошло неправильно.

— А что она означает?

— Ничего. Иногда просто неприятность.

Евгений невольно улыбнулся, но раздражение никуда не делось.

— Я полгода об этом думаю, — сказал он уже спокойнее.

— Не вчера решил. Не потому, что она мне что-то сказала.

Я полгода думаю, что так больше нельзя.

— Тогда почему ты уверен, что развод всё исправит?

— Потому что я хочу развестись.

— Это причина.

— Это и есть ответ.

— Нет. Ответ — что ты хочешь получить после этого.

— Свободу.

— И что ты будешь делать со свободой?

Евгений пожал плечами.

— Жить.

— Как?

— Как хочу.

— А как хочешь?

— Не знаю.

— Вот об этом я и говорю, — Илья развёл руками.

— О чём?

— Ты точно знаешь, от чего хочешь уйти, но не знаешь, куда хочешь прийти.

— А обязательно знать?

— Нет.

— Тогда зачем ты спрашиваешь?

— Потому что иногда человек так долго выбирается из одной жизни, что потом обнаруживает: новую он вообще не придумал.

— И что мне теперь делать? Составить план на следующие двадцать лет?

— Нет.

— Тогда что?

— Хотя бы не считать, что один документ изменит всё.

— Иль-я-а-а, — Евгений раздражённо провёл ладонью по лицу, — ты хоть представляешь, каково это? Жить с человеком, который тебе не нравится. Каждый день заставляешь себя терпеть человека, с которым не хочешь жить. Это как ходить на работу, которую ненавидишь. Скучную, неинтересную, не твою. Только на работу ты ходишь за деньги, а здесь ещё и сам платишь, из собственного кармана.

За столом стало тихо. Глеб посмотрел на Евгения и перевёл взгляд на Илью. Тот не стал отвечать сразу: отложил вилку, вытер пальцы салфеткой, аккуратно сложил её вчетверо и положил рядом с тарелкой.

— Ну вот, — произнёс он наконец. — Это уже честнее.

— Что именно?

— Ты говоришь не о разводе.

— А о чём?

— О том, что тебе не нравится твоя жизнь.

Евгений нахмурился.

— Это одно и то же.

— Нет.

— Почему?

— Потому что можно развестись и всё равно остаться недовольным своей жизнью.

— Можно, — буркнул Евгений.

— Значит, это не одно и то же.

Евгений открыл рот, но Глеб успел раньше:

— Вы оба сейчас спорите о разных вещах. Женя говорит, что не хочет жить с женой. Илья говорит, что развод не гарантирует счастья. Оба правы.

— Он же никогда не был женат, — Евгений, глядя на Глеба, мотнул головой в сторону Ильи. — Откуда ему знать, что это такое.

Илья и бровью не повёл, только чуть выпрямился на стуле.

— Меня не втягивайте, — Глеб махнул рукой, будто отгонял муху.

— Почему? — Илья повернулся к нему. — Ты же женат.

— Поэтому я и не хочу участвовать.

— Почему?

— Потому что я не знаю, как ему жить.

— Но ты же сам женат, — не отступал Илья.

— И?

— Ты бы на его месте развёлся?

— Не знаю.

— Почему?

— Потому что я не на его месте.

Илья замолчал. Глеб налил себе воды, отпил и поставил стакан точно на мокрый кружок на скатерти.

— Я могу рассказать, как у меня дома, — продолжил Глеб. — Что иногда мы ругаемся, иногда друг друга раздражаем. Иногда неделю нормально разговариваем, а потом неделю молчим. Что за девять лет брака люди начинают знать друг о друге слишком много. Но я не знаю, что у них дома. Поэтому решать за них не буду. — Он повернулся к Евгению и поднял стакан, как поднимают предупреждающий палец. — Только не думай, что я тебя поддерживаю.

— Почему?

— Потому что я тебя не осуждаю. Это разные вещи.

Евгений хотел что-то ответить, но Илья заговорил первым. Он смотрел не на них, а на пустую тарелку, и голос у него был задумчивый:

— Человек вообще слишком уверен в своих решениях.

— Ты уже говорил, — напомнил Евгений.

— Потому что это правда.

— А ты в своих не уверен?

— Нет.

— Тогда почему ты постоянно их объясняешь?

— Потому что объяснять проще, чем сомневаться, — произнёс он, подцепляя вилкой кусок мяса. — А если серьёзно, ты ведь не думаешь, что развод сам по себе сделает тебя счастливым?

— Я думаю, что без него я точно счастливее не стану.

— Уже лучше.

— Что лучше?

— Ты хотя бы перестал говорить, что знаешь будущее.

— Я знаю только, что не хочу ещё один месяц жить так же.

У Глеба на столе беззвучно задрожал телефон. Он глянул на экран, коснулся его пальцем, и дрожь оборвалась.

— А почему бы вам просто не пожить отдельно? — сказал он, убирая телефон. — Может, вам стоит взять паузу...

— Да где пожить, Глеб? Где? — Евгений открыл рот, чтобы сказать что-то ещё, и обмяк. Он провёл рукой по волосам, и рука бессильно упала на колено. — Я и так кое-как тяну ипотеку. Съехать мне просто не на что. И она никуда не уйдёт, пока мы не разведёмся официально: такие у них в семье нравы. Не выгонять же её за дверь... — Он усмехнулся без радости. — Куда мне идти? К кому? К тебе? Или, может, к Илье?

— Не знаю. На дачу можно.

— На какую дачу?

— На нашу.

— У тебя есть дача?

— У жены. Ей от бабки досталась. Мы туда почти не ездим.

— А там жить можно?

— Летом можно.

— Сейчас не лето.

— Сейчас тоже можно.

— Ты сам там был?

— Прошлым летом.

— А осенью?

— Нет.

— Очень убедительно.

— Вода есть. Печка есть. Кровать есть.

— Электричество?

— Не уверен.

— Как это — не уверен?

— Собирались проводить.

Илья посмотрел на Евгения поверх вилки.

— Бесплатное жильё с неизвестным электричеством. По-моему, тебе подходит.

— Почему?

— Потому что ты сейчас как раз в том состоянии, когда нормальные варианты тебя уже не интересуют.

— Спасибо.

— Не за что.

Глеб взял телефон и принялся листать фотографии.

— Вот.

Он повернул экран к Евгению. На снимке был небольшой деревянный дом, потемневший от времени. Высокое крыльцо, два окна, выходившие в сад, а за ними заросшие травой яблони.

— Далеко это? — спросил Евгений, не поднимая глаз.

— Сорок минут на электричке, от станции ещё двадцать пешком. На всё про всё около часа.

— Зимой там, наверное, никого.

— Соседи есть. Две бабки и дед с козой.

Глеб убрал телефон.

— Поспишь. Подумаешь. Отвлечёшься.

— Бесплатно, — добавил Илья.

— Бесплатно, — подтвердил Глеб.

Евгений посмотрел на них обоих. Илья откинулся на спинку стула и довольно посмотрел на Евгения.

— Видишь?

— Что?

— Всё-таки к лучшему.

— Иди ты.

Илья рассмеялся. Глеб тоже улыбнулся, но ничего не сказал.

Глава 3. Дом

До дачи Евгений добрался уже в сумерках.

Из бара он поехал прямо на вокзал, как был, в костюме и плаще. Электричка шла почти пустая. Он сел у окна и всю дорогу смотрел, как за стеклом темнеют поля. От станции он купил в привокзальном ларьке бургер, пачку свечей и коробок спичек. Двадцать минут пешком растянулись почти вдвое. Навигатор сперва вёл уверенно, потом сеть пропала, а дорога разошлась на несколько похожих просёлков, и пришлось идти наугад, ориентируясь по редким заборам и высоким старым тополям.

Стояло бабье лето: несколько тихих дней, когда лето уже ушло, а осень ещё не решилась войти. Воздух был прохладный и чистый, пах сухой травой, дымом и прелыми листьями. Слева и справа тянулись участки с покосившимися заборами, за ними виднелись старые дома и кое-где теплицы.

Заметив издалека забор, знакомый по фотографии, Евгений с облегчением выдохнул. Калитка не открывалась: нижний край цеплялся за землю. Он налёг плечом и протиснулся внутрь, зацепившись полкой пиджака за гвоздь. Дёрнул, и по ткани пошла небольшая затяжка. Он посмотрел на неё и махнул рукой.

Перед ним предстал деревянный дом с высоким крыльцом и двумя окнами, выходившими в сад, если это вообще

можно было назвать садом: старые деревья стояли в высокой траве. Крапива и полынь разрослись по всему участку; под окном лежала куча почерневших досок, рядом валялось перевернутое дырявое ведро, у стены ржавела лопата.

Войдя в дом, Евгений сначала обошёл комнаты. Кухня. Маленькая комната. Спальня с металлической кроватью. Света нет. Воды нет. На столе несколько старых газет, на подоконнике пустая банка, в углу ведро со щепками. Печь он топить не стал: не умел, да и возиться в темноте не хотелось. Он зажёл две свечи, съел остывший бургер, сидя на краю кровати в пиджаке, и лёг, сняв только ботинки. Пиджак натянул до подбородка. Пружины под ним протяжно охнули.

Хмель после бара уже выветрился, но мысли путались и всё время возвращались к одному и тому же. Спал он неглубоко. Во сне решал математическую задачу: подставлял числа, сокращал дроби, перечёркивал написанное и начинал снова. Цифры расплывались, знаки менялись местами, а между строками появлялись пустые места, где должно было стоять что-то важное. Он пытался вспомнить, что там было, но память не подсказывала даже первой цифры.

Несколько раз он выныривал из этой задачи, открывал глаза, видел чёрный потолок и снова уходил в неё, и каждый раз она начиналась с начала.

В очередной раз проснувшись посреди ночи, он лежал, не открывая глаз, и пытался понять, что его разбудило. Свечи догорели. Над головой, в самой глубине темноты, что-то

тянулось и стонало: скрип, медленный, протяжный, с нажимом, и в нём слышалось скребущее, будто кто-то водит когтями по дереву. Евгений затаил дыхание. Он слышал, как гудит у него в ушах кровь. Снаружи ветер трепал ветви, и те постукивали по стене, в саду шуршали сухие листья. Но это были совсем другие звуки: скрип рождался прямо над ним и каждый раз тянулся одинаково долго.

Не находя ему объяснения, память сама подбросила похожий случай. Однажды они с Глебом и Ильёй, ради прикола, решили заночевать на съёмной квартире, где прежний хозяин ушёл из жизни по своей воле. Но в половине третьего ночи все трое, кто в чём был, вылетели на лестничную площадку. Лифт никто не ждал: Глеб в одном носке, Илья с чужой курткой, прижатой к груди, Евгений босиком. Все восемь этажей они неслись вниз, толкаясь на поворотах и вопя от страха.

Евгений медленно сел, нашарил телефон на краю кровати, нажал на экран и повёл светом по комнате: железная спинка кровати, газеты на столе, чёрный проём двери. Луч дрожал, и вместе с ним дрожали на стене тени. Ничего.

Он спустил ноги на пол. Доски были ледяные, и холод прошёл по ногам до самых колен. Евгений поднялся и, держась за спинку кровати, двинулся вперёд, ставя ступни на самые края половиц, чтобы те не скрипнули. Прислушался. Тишина.

Шесть шагов до коридорчика он прошёл на цыпочках,

прижимая телефон к груди, чтобы свет не бил в стороны. Ладонь его, державшая телефон, стала мокрой, и экран выскальзывал из пальцев. Он остановился под люком. Квадрат в потолке был чернее окружающей темноты, и луч, добравшись до него, не нашёл там никаких щелей. Только край деревянной крышки и тонкая нитка паутины. Евгений задрал голову и застыл, не моргая, вслушиваясь до звона в ушах. Наверху было тихо. Он простоял так долго, что у него затекли икры, и в какой-то момент его дыхание само стало ровнее. Плечи опустились. С облегчением выдохнув, он повернулся к кровати и сделал шаг.

Прямо над его головой что-то коротко, с сильным нажимом царапнуло по дереву.

Он даже не стал разбираться, что именно услышал. Тепло сработало раньше мысли: Евгений отшатнулся, ударился плечом о косяк, телефон вылетел из его руки и со стуком упал на пол, погаснув. Темнота ударила по глазам. Он метнулся вслепую, нащупал стену, пошарил по ней и нашёл дверь. Засов не поддавался. Пальцы скользили по железу, он дёрнул раз, другой и вывалился на улицу.

Холод ударил в лицо и в грудь. Он пробежал несколько метров по мокрой траве, и крапива хлестнула его по голениям, но он не остановился, пока перед ним не выросла серая линия штакетника. Евгений упёрся ладонями в верхнюю перекладину и замер, боясь обернуться.

Сердце колотилось так, что отдавало в зубы. Он слышал

только его и собственное хриплое, рваное дыхание. Ладони прилипли к влажному дереву. Колени тряслись, рубашка на спине прилипла к лопаткам.

Скрипа слышно не было. Ветер шевелил листву, где-то далеко пролаяла собака, и этот будничный звук оказался неожиданным, на мгновение поглотив всё внимание Евгения и вырвав его из власти безумного страха. Он почувствовал ступни: мокрую траву, холодную землю, что-то колючее под левой пяткой. Переступил с ноги на ногу и поморщился. Пальцы на перекладине разжались один за другим. Он потёр ладони о рубашку. Набрал полную грудь воздуха, задержал дыхание и медленно выдохнул. Белое облачко повисло перед лицом и растаяло. Он повторил это ещё раз, потом ещё и ещё — до тех пор, пока дыхание не выровнялось и вместе с ним не вернулась способность рассуждать.

Первой на ум пришла мысль о Глебе, и в ту же секунду, не дав себе времени ни усомниться, ни проверить, Евгений уже знал всё целиком.

«Так вот почему они здесь не бывают...»

Руки на перекладине сжались, и под пальцами хрустнула отслоившаяся краска. Дрожь, уже было отступившая, вернулась волной глухой злости, и челюсти свело от напряжения. Губы искривила недобрая улыбка, обнажив белые зубы. Щёки запылали, хотя ещё минуту назад он не чувствовал лица от холода.

— Ну да, ну конечно, — сказал он тихо, глядя в темноту.

— Вот я идиот...

И всё сразу стало складываться. Дом пустует. Никто здесь не хочет жить. Глеб слишком легко предложил ему приехать именно сюда, а Илья поддержал. Они знали, что тут происходит. Оба против развода. И этот её вопрос вдогонку: «Встречаешься с друзьями?»

— Вот стерва... — Он выпрямился. Шагнул вдоль забора, развернулся и пошёл обратно, вдавливая пятки в землю. Руки не находили места: он сунул их в карманы брюк, выдернул, сжал кулаки, разжал, потёр шею, снова сжал. — Сука... Заранее всё спланировала... Все знали, кроме меня... И в ЗАГсе всё разыграли... скоты...

Евгений вошёл внутрь. Нашёл на полу телефон, поднял. Прошёл на кухню, зажёл свечу и поставил её на стол. Руки у него ещё подрагивали, и пламя дёргалось. Он сел на табурет, подтянул ноги и принялся вынимать из пятки колючку, шипя сквозь зубы. Колючка вышла вместе с каплей крови. Он посмотрел на неё, щёлкнул пальцем и швырнул в угол. Кто бы там ни находился на крыше — человек, животное, ветер или чья-нибудь особенно изобретательная шутка, — сегодня ночью Евгений никуда не собирался.

Глава 4. Дом 2

Утром Евгений проснулся поздно, с тяжёлой головой. Открыв глаза, он долго лежал, глядя в потолок и вспоминая события минувшей ночи. За окном светило солнце, в саду кричали птицы. Нехотя поднявшись с кровати, он оделся и вышел во двор.

Причина ночного скрипа обнаружилась сразу. На скате крыши отогнулся небольшой лист старой жести, и теперь ветер время от времени приподнимал его край. Жесть медленно выгибалась, тёрлась о деревянную обрешётку и издавала тот самый протяжный скрип. Днём этот звук терялся среди множества других. Ночью же, когда всё вокруг затихало, даже слабый скрип легко пробивался через расстояние и казался гораздо ближе и громче.

Он вернулся в дом, решив хорошенько рассмотреть его изнутри.

При дневном свете всё выглядело ещё прозаичнее. Маленькая кухня с низким потолком, деревянный стол, два стула, старый буфет, когда-то выкрашенный в зелёный цвет. В углу темнела ещё одна небольшая чугунная печь, возле неё лежала аккуратно сложенная поленица. Евгений открыл один шкафчик, потом другой. Внутри обнаружились старые полотенца и несколько алюминиевых кружек.

Комната, в которой он провёл ночь, вмещала самый обык-

новенный дачный интерьер: кровать, шкаф, стол, несколько стульев и старый выцветший ковёр. В другой комнате не было ничего, кроме продавленного дивана и пыльного зеркала, в котором он увидел себя: небритого, мятого, с отпечатком подушки на щеке.

Настало время искать магазин.

Он вышел за калитку и пошёл по дороге, решив, что рано или поздно должен встретиться кто-нибудь, способный объяснить, где здесь можно что-нибудь купить. И действительно, минуты через две впереди показалась женщина, катившая за собой бочку. На вид ей было лет шестьдесят с небольшим. На голове — светлый платок, поверх старого платья — рабочая кофта, ноги обуты в резиновые сапоги.

— Давайте я вам помогу, — сказал Евгений, поравнявшись с женщиной. Бочка на тележке всё время норовила завалиться в канаву, и она придерживала её плечом.

— Если не трудно, — охотно согласилась та и убрала с лица выбившуюся из-под платка прядь. — Только осторожно, она с водой.

Евгений ухватился за рукоять и упёрся ногами в землю. Бочка нехотя поехала.

— Куда?

— Вон туда, — она махнула рукой куда-то вперёд. — Где ворота зелёные.

Женщина шла рядом, вполголоса комментируя дорогу: тут яма, тут корень, тут в прошлом году трактор колею про-

бил. Они одолели несколько десятков метров, и она показала на калитку с жестяным почтовым ящиком.

— Спасибо, выручили. А вы к кому?

— Да я... — Евгений замялся, потирая ладони одну о другую. — В том доме живу.

Теперь настал его черёд махнуть рукой в сторону своего участка, откуда над забором торчала ржавая крыша с отогнутым краем жести.

Женщина посмотрела на него внимательнее, и в её взгляде появилось то особое любопытство, с каким деревенские разглядывают человека, который вдруг обнаружился в давно пустующем доме.

— У Светланы?

Евгений не сразу понял, о ком речь. Имя ему ничего не говорило. С женой Глеба он виделся всего несколько раз и, если быть честным, знал о его семье немного. Светлана, видимо, была её матерью — когда-то Глеб что-то о ней рассказывал, но разговор тот давно выветрился из памяти вместе с прочими сведениями, не имевшими для Евгения никакого практического значения.

— Наверное, — осторожно ответил он, потирая шею. — Меня Глеб пригласил. Это мой друг.

— А-а-а, — протянула она, разглядывая его лицо ещё внимательнее. — Понятно.

Женщина поставила бочку у крыльца, и зачем-то постучала по ней костяшками.

— Родственник?

— Друг. С детства дружим.

Евгений назвал город.

— А сюда надолго?

— Нет... Не знаю пока... Не подскажете, где тут ближайший магазин?

— Магазин? Есть, как не быть, — она махнула рукой в сторону поворота. — Только сегодня выходной. По выходным не работает.

— Как не работает? Совсем? — лицо его вытянулось, взгляд метнулся от её руки к повороту и обратно

— Вера по субботам на рынок ездит закупаться, а в воскресенье отсыпается.

— А... — Он открыл рот и закрыл. — А где-нибудь ещё есть? Запасной?

— За-па-с-ной? — протянула она, тщательно обдумывая вопрос. — Не-е-ет. Магазин у нас один.

Евгений кивнул. Кивнул ещё раз, уже без смысла. Рука потянулась к карману, нашарила телефон. Он вытащил телефон, посмотрел на экран и спрятал обратно. Хотел спросить что-то ещё, но слова не складывались.

— Ну... понятно, — сказал он наконец.

Женщина улыбнулась, повернулась к калитке и отступила на шаг, пропуская его вперёд.

— Заходите, чаю попьём.

— Да ну что вы, — Евгений поднял ладони. — Я пойду.

Не буду вас отвлекать.

— От чего отвлекать? — искренне удивилась она. — Воды я набрала, дел у меня больше нет. А чайник поставить дело нехитрое. Заходите.

Он покачал головой и открыл рот, подбирая слова помягче, но она уже распахнула калитку настежь и качнула подбодрком в сторону дома: не стой.

— Проходите, проходите.

В доме было тепло. Маргарита Степановна сняла платок, повесила его на спинку стула и прошла на кухню. Евгений остался у двери.

— Садитесь, проходите в комнату. Не стойте. В ногах правды нет.

Он сел и стал рассеянно рассматривать обстановку, непривычную для городского жителя. Комната была небольшая, чистая, обставленная без излишеств. На комоде лежала аккуратно сложенная вязаная салфетка, а над ним тикали часы с тяжёлым маятником. У стены стоял старый диван, накрытый выцветшим покрывалом, перед ним теснились два кресла и небольшой столик. Над диваном висел ковёр с медведями в сосновом лесу, а соседнюю стену сплошными рядами занимали чёрно-белые фотографии в одинаковых рамках. На одной из них Евгений даже задержал взгляд.

Молодая женщина. Лет двадцати, может, немного больше. Тёмные волосы, густые, гладко зачёсанные назад и собранные на затылке. Открытый высокий лоб, тонкие прямые бро-

ви, овальное лицо, мягкая линия скул и довольно узкий подбородок. Небольшой ровный нос. Тонкие губы. Под левым глазом темнела маленькая родинка неправильной формы.

Евгений нахмурился и отвёл взгляд.

— Чай будете крепкий или не очень?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.